

В.Л. Коровин
О ЦИКЛЕ ДУХОВНЫХ ОД И.А. КРЫЛОВА

Аннотация. В середине 1790-х годов Крылов составил рукописный сборник своих лирических стихотворений, который открывался циклом из восьми духовных од – переложений псалмов, пронумерованных автором («Ода первая, выбранная из псалма...» и т.д.), но расположенных не по порядку их нумерации в Псалтири (17, 71, 14, 96, 37, 93, 51, 87). В статье речь идет об истории публикации этих стихотворений, об их литературном и биографическом контексте (в частности, о переложениях псалмов А.П. Сумарокова и об актуальности для Крылова примера Н.П. Николева, выпустившего в 1795 г. том своих духовных стихотворений), а также о некоторых идеях и мотивах цикла и о его композиции, очевидно, имевшей для автора определенный смысл.

Ключевые слова: И.А. Крылов; духовные оды; переложения псалмов; А.П. Сумароков; Н.П. Николев; лирическая циклизация.

Korovin V.L. On the cycle I.A. Krylov's spiritual odes

Summary. In the middle 1790s Krylov made a manuscript collection of his lyrical poems, which opened with a series of eight spiritual odes – paraphrases of Psalms, numbered by the author («The Ode First selected from the Psalm...» etc.), but not in the order of their numbering in the Psalter (17, 71, 14, 96, 37, 93, 51, 87). In this article we are talking about the history of the publication of these poems, their literary and biographical context (in particular on Sumarokov's paraphrases of Psalms and on relevant for Krylov an example of Nikolay Nikolev, which was published in 1795 volume of his spiritual poems), as well as some of the ideas and motives of the cycle and its composition, obviously had a certain meaning for Krylov.

Keywords: I.A. Krylov; spiritual odes; paraphrases of psalms; A.P. Sumarokov; N.P. Nilolev; lyrical cyclization.

В середине 1790-х годов Крылов, пережив крушение на поприще журналистики (и за десять лет до того, как сделаться баснописцем), составил сборник своих стихотворений, видимо, задумывая выступить перед публикой в новом качестве – как лирический поэт. Сборник открывался циклом из восьми духовных од, пронумерованных автором (все последующие стихотворения даны без нумерации) и однотипно озаглавленных:

«Ода первая, выбранная из псалма 17-го»;
«Ода вторая, выбранная из псалма 71-го»;
«Ода третья, выбранная из псалма <14-го>»;
«Ода четвертая, выбранная из псалма 96-го»;
«Ода пятая, выбранная из псалма 37-го»;
«Ода шестая, выбранная из псалма 93-го»;
«Ода седьмая, выбранная из псалма 51-го»;
«Ода восьмая, выбранная из псалма 87-го».

В таком виде (и последовательности) эти оды были напечатаны только в 1954 г., в подготовленном А.П. Могилянским собрании стихотворений Крылова в серии «Библиотека поэта»¹. Сам рукописный сборник, содержащий позднейшую авторскую правку, был вновь обнаружен и описан в 1940-е годы², его тексты были учтены в остающемся по сей день самым полным Собрании сочинений Крылова 1945–1946 гг.³, однако авторская композиция цикла здесь не была сохранена, как и во всех других изданиях⁴ (кроме названной книги 1954 г.). Между тем она заслуживает внимания, хотя бы потому что не имела precedентов в русской поэзии XVIII в. (все предшественники Крылова в соответствующих разделах своих поэтических сборников располагали переложения псалмов по порядку их нумерации в Псалтири). Автор, выстраивая именно такую композицию, очевидно, придавал ей какой-то смысл.

При жизни Крылова публиковались только две из восьми названных од (из псалмов 17 и 37), остальные увидели свет лишь в посмертном собрании его сочинений, подготовленном П.А. Плетневым (1847)⁵, который оценивал их невысоко, как маловажные опыты начального периода творчества поэта: «Есть между напечатанными ныне мелкими стихотворениями Крылова многие, под которыми издатели не могли выставить времени, когда он написал

их. Они отысканы в разных тетрадах между бумагами автора. Видно, поэт рано и сам почувствовал, как они маловажны для публики. Он в поэзии шел тогда за другими. Таковы переложения в стихи псалмов»⁶.

Сам Крылов, в том числе и в зрелые годы, к этим стихотворениям относился серьезнее, чем полагал Плетнев. Среди прочего об этом можно судить по предыстории публикации одного из них, о которой поведал сослуживец поэта И.П. Быстров. Свой рассказ он предварил общим суждением о его ранних стихах (и выделяя как раз духовные оды): «Вообще, проза И.А. лучше его стихов, писанных им в 1792 и 1793 годах. Любовные стишки его больно плохи <...>, но в 1795 году Иван Андреевич является уже высоким лирическим поэтом. В Русском Отделении Императорской Публичной Библиотеки, в кипе разрозненных газет и журналов, нашел я тетрадь стихов, писанных собственною Ивана Андреевича рукою. (Это было в апреле 1832 года.) “В этой тетради есть прекрасная ваша *Молитва к Богу*”, – сказал я Ивану Андреевичу. – “Покажите, мой милый”. – И.А. взял рукопись и стал читать про себя. Какой огонь, какой благоговейный восторг одушевляли в то время поэта! И не одна слеза скатилась на грудь его!»⁷.

Речь шла о подражании 17 псалму, которое вслед за воспоминаниями Быстрова, печатавшимися в «Северной пчеле» в 1845 г., было помещено в одном из следующих номеров газеты⁸; впервые же оно было напечатано вскоре после его «находки», в альманахе «Комета Белы» под новый 1833 год (и с авторской датой – «1795») ⁹.

Другая ода Крылова (из псалма 37) была опубликована еще в 1796 г., в первой книжке альманаха Н.М. Карамзина «Аониды» (под заглавием «Вольное подражание псалму: “Господи, да не яростию Твоею, и пр.”») ¹⁰, и имела некоторый успех у современников: только при жизни Крылова она трижды включалась в состав поэтических антологий – в 1810, 1814, 1821 гг. ¹¹, причем в одной из них (1814) стихотворение появилось явно при участии автора, сделавшего ряд поправок к тексту, напечатанному в «Аонидах» (они совпадают с правкой в рукописном сборнике). В издании Плетнева оно напечатано под заглавием «Подражание псалму 37» как первое стихотворение в томе лирики Крылова ¹², и не только потому, что это переложение из Библии, а еще и потому, что,

видимо, расценивалось как наиболее удачное из его переложений псалмов.

Это как будто подтверждалось тем, что только данное стихотворение из всего цикла духовных од сам поэт и отдал в печать вскоре после его написания. Думается, однако, что его выбор тогда пал на подражание 37 псалму не потому, что он считал его лучше других стихотворений цикла (или не только поэтому). 37-й псалом входит в шестопсалмие и относится к числу покаянных псалмов. Отдавая подражание ему для публикации в карамзинском альманахе в 1796 г., Крылов в некотором смысле заявлял о своем раскаянии в поступках, за которые недавно подвергся гонениям со стороны властей.

Считается, что Крылов свои переложения псалмов (или большинство из них) создал в 1795 г. и, вероятно, уже осенью, после отъезда (или высылки) из Москвы¹³, в плачевных для него обстоятельствах, на которые он намекает в письме к своей приятельнице Е.И. Бенкендорф от 26 ноября 1795 г.: «До сих пор все предприятия мои опровергались, и, кажется, счастье старалось на всяком моем шагу запнуть меня; это было, есть и, может, вечно так будет; но пусть только надежда, мой верный друг, пусть только одна она не отлучается от меня и проводит меня до моего гроба... <...> Воспоминание моих старых и еще вновь приключившихся мне несчастий и потерей завело меня к скучному, может быть, для вас болтовству...»¹⁴. И тут же Крылов называет свои жалобы «Еремийным плачем»¹⁵, делая шутиливую отсылку к Библии, переложениями из которой (из Псалтири) он тогда занимался.

В единый цикл из восьми стихотворений они были оформлены, скорее всего, в конце 1796 г., уже после смерти Екатерины II (ноябрь), поскольку «Ода вторая, выбранная из псалма 71-го» является переложением одного из мессианских псалмов, прославляющего нового царя, и, по всей видимости, была написана в связи воцарением Павла I (что отмечал, например, Г.А. Гуковский¹⁶). Положение Крылова в это время уже было несколько иным, чем то, на которое он туманно намекает в процитированном выше письме. Он возлагал какие-то надежды на нового царя и, по некоторым сведениям, даже встречался с ним. Впрочем, это время, середина 1790-х годов, по выражению исследователей, – «белое пятно в биографии Крылова»¹⁷. Цикл переложений псалмов,

созданных именно тогда (ни до, ни после этого он подобных стихотворений не писал), является одним из немногих свидетельств о настроении и взглядах поэта в то время, о его литературной (а отчасти и общественной) позиции.

Эти стихотворения Крылова практически еще не изучались, и прежде всего надо выяснить, насколько его переложения псалмов были оригинальны на фоне русской псалмодической лирики и действительно ли он в этом роде стихотворений, как думал Плетнев, «шел за другими»? На последний вопрос, пожалуй, следует ответить отрицательно.

Во-первых, предшественников в этой области у него было не так уж много, поскольку Крылов, по выражению М.П. Погодина, был «почти ровесник» русской литературы¹⁸. Единственный напечатанный в России в XVIII в. опыт переложения всех псалмов, составляющих Псалтирь, принадлежал А.П. Сумарокову (1774), и они дважды перепечатывались в собраниях его сочинений (1781, 1787) (В.К. Тредиаковский опубликовал лишь десять парафраз псалмов, а вся его Псалтирь, сданная им в печать в 1753 г., оставалась неизданной до 1989 г.) Переложения избранных псалмов входили в сборники стихотворений М.В. Ломоносова (1751, 1757), И.Ф. Богдановича (1773), В.И. Майкова (1773), Ф.Я. Козельского (1778). Отдельные переложения появлялись в периодических изданиях, но в целом накопленное к 1795 г. количество таких стихотворений было довольно ограниченным. К примеру, Г.Р. Державин к тому времени опубликовал только два переложения – ранний вариант оды «Властителям и судиям» и «Величество Божие» (псалмы 81 и 103) (всего же он переложил двадцать семь псалмов, напечатанных позднее).

Во-вторых, Крылов явно стремился к оригинальности и в выборе псалмов для переложения, и в строфике стихотворений, и, наконец, в способе их циклизации.

Конечно, он имел перед собой ряд актуальных для него опытов и примеров предшественников и современников, которые должен был учитывать, но скорее отталкивался от них, чем следовал за ними. Наиболее актуальными опытом для него, видимо, были переложения псалмов Ломоносова и – в еще большей степени – Сумарокова. А наиболее важным примером, возможно, и подтолк-

нувшим Крылова к созданию цикла духовных од, на наш взгляд, стали духовные стихотворения Н.П. Николева.

Первая часть «Творений» Николева, вышедшая в 1795 г., была целиком составлена из впервые здесь опубликованных «духовных стихотворений». В начале книги помещался цикл из 27 стихотворений (од), пронумерованных авторов. Это 26 переложений избранных псалмов, однотипно озаглавленных («Ода 1, из псалма 1»... «Ода 26, из псалма 148»), и «Ода 27. Выбранная из Иова, из тех же глав, из коих выбирал г. Ломоносов...»¹⁹ (далее следовали оригинальные религиозные стихотворения, но уже без авторской нумерации). В подзаголовках од – первые стихи церковнославянского текста псалмов.

Почти так же оформлены заглавия в цикле духовных од Крылова (только у Николева они расположены по порядку нумерации в Псалтири). В данном случае это вряд ли может быть простым совпадением или общей данью европейской традиции. В русской печати XVIII в. в точности так же оформленный раздел духовных од встречается только у Николева, но еще существенней то, что он был одним из самых авторитетных в глазах молодого Крылова писателей-современников и едва ли не основным его литературным ориентиром, по крайней мере в драматургии. В начале своей творческой деятельности, по замечанию исследователей, «в плане литературном и общественном Крылов шел за Николевым»²⁰. Переехав из Петербурга в Москву, в 1794–1795 гг. он был в доме писателя Ф.Г. Карина, друга Николева, и, скорее всего, лично встречался и с ним самим, с «русским Мильтоном» (как позднее стали называть Николева его почитатели за слепоту и наклонность к религиозной поэзии). В это время Крылов и начинает заниматься переложениями псалмов, может быть, побуждаемый примером Николева. Неизвестно, мог ли он читать первую часть его «Творений» до отъезда из Москвы осенью 1795 г. (нет сведений, в каком месяце книга вышла), но о том, что Николев пишет духовные стихотворения и готовит их к изданию он, наверное, был осведомлен, а какие-то из них мог читать в рукописях. В конце же 1796 г., когда Крылов составлял свой рукописный сборник, он уже, несомненно, с этой книгой был знаком.

В самих одах Крылова прямой зависимости ни от Николева, ни от переложений псалмов других русских поэтов не обнаружи-

вается. Если Николеву приходилось отвечать на упреки, что он переложил все псалмы, переложенные Ломоносовым, нарочито с ним состязаясь²¹, то адресовать подобный упрек Крылову было бы затруднительно. В переложении псалмов 37, 87 и 93 его единственным предшественником был Сумароков, переложивший все псалмы (учитываем только появившееся в печати и только в XVIII в.). Переложения псалмов 17 и 51, кроме как у того же Сумарокова, встречаются только у Козельского; псалом 96 – только у Николева; псалом 71 – у Майкова и Николева; псалом 14 – у Ломоносова и Николева.

Из всего перечисленного литературной известностью пользовалось только переложение 14 псалма Ломоносова, с которым соревновались Сумароков и Николев, избравшие ту же, что у него, стихотворную форму и даже повторившие некоторые его выражения. У Крылова же именно в этом единственном случае («Ода третья») использована неравносложная строфа, принятая по образцу переложения того же 14 псалма у знаменитого тогда французского одописца Ж.-Б. Руссо²² и, может быть, не в последнюю очередь ради того чтобы не повторять Ломоносова.

Остальные оды Крылова написаны равносложными стихами (четырёхстопным ямбом), однако он явно заботился о разнообразии версификации, и по строфической форме ни одна из его од не повторяет другую. Приводим начальные строфы всех восьми стихотворений.

Ода первая, выбранная из псалма 17-го

К Тебе, мой Бог великий, вечный,
Желанья все мои парят,
Сквозь тьму и бездну бесконечны,
Где миллионы звезд горят
И где, крутясь, миры в пучинах
Твое величество гласят:
Велик Господь, велик и свят
Вещей в началах и кончинах!
Велик величества Творец,
В бедах мне щит, в суде – отец.

(С. 462)

Ода вторая, выбранная из псалма 71-го

Поддай царю твой, Боже, суд,
И правду дай цареву сыну;
Да к пользе царства примет труд,
Да истину хранит едину –
И кротко, как зарей зефир,
Ко всем странам прольется мир.
(С. 466)

Ода третья, выбранная из псалма <14-го>

Кто, Боже, в высотах эфирных
Святой Твой населяет двор?
Кто слышит, как, при звуках лирных,
Поет Тебя пресветлый хор?
И кто в святынях небесного чертога
Вкушает сладость зреть величье, славу Бога?
(С. 468)

Ода четвертая, выбранная из псалма 96-го

Взыграй, вся дышущая плоть!
Днесь воцарился твой Господь.
Промчите слух сей, ветры скоры,
В дальнейшие земли концы,
Да скачут холмы, как тельцы,
Как овны, да взыграют горы
Средь кликов празднующих стран,
И да воспещет океан!
(С. 470)

Ода пятая, выбранная из псалма 37-го

Смягчи, о Боже! гнев Твой ярый,
Вины души моей забудь;
И молний уклони удары,
В мою направленные грудь!

Престани в тучах, в облистаньях²³
И в бурных пламенных дыханьях
Являть, колико суд Твой строг;
Пролей надежду в грудь унылу,
Яви свою во благе силу
И буди в милостях мне Бог!

(С. 472)

Ода шестая, выбранная из псалма 93-го

Снесись на вихрях, мщений Царь!
Воссядь на громах – тучах черных,
Судить строптивых и упорных;
Ступи на выи непокорных
И в гордых молнией ударь.

(С. 475)

Ода седьмая, выбранная из псалма 51-го

Чем хвалишься во злобе, сильный,
Что мочен наносить ты вред?
Глагол твой, лестию обильный, –
Как ядом растворенный мед;
Язык твой – бритва изощренна;
В груди кипит всех злоб геенна.

(С. 476)

Ода восьмая, выбранная из псалма 87-го

О Боже! Царь щедрот, спасений,
Внемли! – К Тебе моих молений
Свидетель – ночи все и дни.
Я в ночь свой одр мочу слезами,
И в день иссякшими глазами
Встречаю мраки лишь одни.
Да пройдет вопль мой пред Тобою
Шумящей, пламенной рекою:
Воззри – и слух ко мне склони.

(С. 479)

Как видно, каждую оду Крылов написал особой строфой, и они различаются не только порядком рифмовки, но и по объему, по количеству стихов – от пяти до десяти. Не использует он только самый обыкновенный и частотный тип строфы – четверостишие, хотя именно четверостишиями были написаны, например, все переложения псалмов у Ломоносова и Николева и очень многие – у Сумарокова, который, в общем-то, больше других экспериментировал с метрикой и строфикой в этом типе стихотворений. Крылов пользуется более сложными строфами, очевидно, стремясь к оригинальности, желая по возможности придать своим переложениям индивидуальный облик. И выбирает он псалмы, которые лишь в единичных случаях перелагались старшими поэтами, не касаясь тех, которые перелагались очень часто (к примеру, 1-й псалом).

При этом стихотворения цикла Крылов расположил так, что написанные строфами с большим количеством стихов (от восьми до десяти) обрамляют те, что написаны строфами меньшего объема (по пять и шесть стихов). По этому формальному показателю цикл распадается на две части, где по количеству стихов в строфах стихотворения выстраиваются в такую последовательность: 10–6–6–8 и 10–5–6–9 (если большие строфы обозначить как «А», а короткие как «б»), то последовательность стихотворений предстанет в таком виде: А-б-б-А и А-б-б-А). В принципе такая последовательность могла сложиться и непреднамеренно, изначально не задумывалась автором или вовсе им не замечалась, но на это приходится обратить внимание, поскольку Крылов расположил свои оды не по порядку их нумерации в Псалтири и явно не по хронологии, не по времени их создания (переложение 71 псалма, написанное, как уже отмечалось, позже других, здесь «Ода вторая»), но и, конечно, не просто как попало, а придавая такой композиции определенный смысл. И дело совсем не только количественных показателей (они, кроме прочего, могли быть продиктованы известным эстетическим принципом «приятного разнообразия»).

По содержанию (по ведущим темам) эти восемь стихотворений, составляющие единый цикл, тоже образуют довольно стройную последовательность и разделяются на те же две части (по четыре стихотворения).

Ода 1 – величество Божие (Пс 17)	Ода 5 – молитва покаяния (Пс 37)
Ода 2 – слава праведного царя (Пс 71)	Ода 6 – наказание нечестивых (Пс 93)
Ода 3 – блаженство праведника (Пс 14)	Ода 7 – наказание нечестивых и милость Божия к праведным (Пс 51)
Ода 4 – воцарение Бога на земле (Пс 96)	Ода 8 – молитва о спасении (Пс 87)

Первые четыре стихотворения (оды 1–4) объединены темой «величества Божия» (во выражении Ломоносова), иначе говоря – темой Бога как Царя вселенной, Его ни с кем не разделяемой власти над ней.

В следующих четырех стихотворениях (оды 6–8) ведущими являются тема Бога как Судии человека и тема покаяния грешника, ужасающегося заслуженного наказания и молящего Бога о спасении.

Первая часть цикла в некоторой степени соотносится с политическими ожиданиями поэта в середине 1790-х годов. Вторая часть в большей степени согласуется с его личными обстоятельствами и внутренней жизнью. И в обеих частях цикла важнейшим является мотив религиозного обращения человека, забывшего о Боге или провинившегося перед Ним (мотив, нередко встречающийся в духовной поэзии конца XVIII в., как, например, в оде Державина «Успокоенное неверие»²⁴).

Это лишь предварительные соображения о композиции цикла духовных од Крылова, требующей более пристального изучения. Выше уже отмечалось, что само по себе расположение подражаний псалмам не в порядке их нумерации в Псалтири в русской поэзии XVIII в. до него не встречалось (позднее, уже в XIX в., подобное нарушение нумерации псалмов, не мотивированное хронологией, можно отметить в разделах псалтырных переложений в сборниках В.В. Капниста, Д.С. Хвостова, М.А. Дмитриева и некоторых других авторов).

Возвращаясь к строфике духовных од Крылова, нужно отметить, что в одном случае он все-таки следует одному из своих русских предшественников. В «Оде пятой, выбранной из псалма 37-го» использована в точности такая же строфа, как в переложении того же псалма у Сумарокова, но сделано это намеренно, чтобы противопоставить свое стихотворение сумароковскому в идейном отноше-

нии и дать более полное (девять строф против шести) и более адекватное подражание этому псалму. Вот, например, вторые строфы стихотворений двух авторов (в псалме им соответствуют стихи 3–4: *«Яко стрелы Твоя унзоша во мне, и утвердил еси на мне руку Твою. Несть изцеления в плоти моей от лица гнева Твоего, несть мира в костях моих от лица грех моих. Яко беззакония моя превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготеша на мне»*).

Крылов

Стрелами острыми твоими
Мне сердце все изъязвлено,
И, раздираемое ими,
Горит, как в пламени, оно;
Свои счисляя преступленьи,
В стыде, в болезни, в изумленьи,
Смыкаю я смущенный взор.
Нет предо мною света дневна –
На мне Твоя десница гневна,
Хладнее льдов, тяжчае гор.
(С. 472)

Сумароков

Во беззаконьи утопаю:
Грехами я отягощен:
От прав закона отступаю,
Тщетною света восхищен:
Достоин казни и мученья:
Не вижу плоти излечения.
Мой дух перед Тобой дрожит.
Душа грехи всечасно множит
И тишину мою тревожит,
Спокойство от меня бежит²⁵.

У Сумарокова текст псалма едва можно узнать, речь идет о слабости человека, увлекающегося «тщетой света», о его греховности, с которой, в общем-то, поделаться ничего нельзя («Душа грехи всечасно множит...»), а у Крылова – о муке раскаяния за «преступ-

ленья», за прошлую жизнь, на которую кающийся грешник теперь взирает «в стыде, в болезни, в изумлении...» и вернуться к которой явно не желает. Это, конечно, гораздо более адекватная, чем у Сумарокова, поэтическая репрезентация покаянного 37 псалма.

Однако все же переложения Крылова в целом не являются близкими к исходному славянскому тексту парафразами псалмов (как, например, у Ломоносова), это принципиально вольные переложения, с пропусками и авторскими амплификациями.

Так, в третьей строфе той же оды из 37 псалма читаем:

Все скорби на меня зияют
И плоть мою себе делят.
Как воск, во мне так кости тают,
И кровь моя как острый яд;
Как трость ломка во время зною,
Как ломок лед в реках весною,
Так ломки ноги подо мной.
Всё множит мне печалей бремя;
Остановилось само время,
Чтобы продлить мой жребий злой.
[16, 473]

Здесь первые семь стихов являются подражанием тексту псалма (37:6–8: *«Возмердеша и согниша раны моя, от лица безумия моего. Пострадах и слякохся до конца, весь день сетуя хождах: яко лядвия моя наполнишася поруганий, и несть изцеления в плоти моей»*), но последние три стиха, конечно, не имеют в нем соответствия, внося чуждое ему по духу представление о «жребии», выпадающем человеку по случаю, по прихоти «счастья» (на которое Крылов жалуется в письме и против которого ранее ополчался в оригинальном стихотворении «К счастью», 1793). В той же оде пять (!) раз возникает слово «надежда» (в псалме не встречающееся): «Пролей надежду в грудь унылу...»; «В отчаяньи, в надежде, в горе...»; «То луч надежды мне являлся...»; «Надеждой на Тебя отрадной, / Как в жар поля росой прохладной, / Мой слабый дух себя питал...»; «И я к Тебе, надежды полный, / Свой простираю томный глас...» (с. 372–374). Акцентируя здесь тему надежды (на Бога), поэт не погрешает против духа псалма (в котором она

имплицитно содержится), но, кажется, привносит в свое переложение мотивы новоевропейской поэзии, а именно «Божественной комедии» Данте. Он исходит из представления о надежде как одной из христианских добродетелей и о лишении ее как предвестии адских мук. Об этом Крылов говорит в процитированном выше письме к Е.И. Бенкендорф, приводя знаменитый стих Данте из надписи на вратах ада: «...но пусть только надежда, мой верный друг, пусть только одна она не отлучается от меня и проводит меня до моего гроба – пусть оставит она меня, когда, переехав Стикс, увижу я на дверях ада страшную надпись: “Lasciate ogni speranza, o voi ch'entrate!” Надпись ужасная, которою Дант страшнее изобразил ад, нежели множеством других своих стихов. Итак, пусть только тогда она меня оставит, и я по крайней мере скажу, что я в жизни имел утешительного товарища»²⁶.

Идея надежды как опоры человека, даруемой ему свыше, имеет значение для всего рассматриваемого цикла од. Она сформулирована в первой из них, «выбранной из псалма 17-го» (в седьмой строфе):

Смиранных щит! Смиритель гордых!
Блесни зарями в грудь мою;
И на столпах надежды твердых
Твою я славу воспою...
(С. 463–464)

Ср.: «Яко Ты люди смиренныя спасеши и очи гордых смириши. Яко Ты просветиши светилник мой, Господи: Боже мой, просветиши тму мою. <...> Защититель есть всех уповающих на Него» (Пс 17:28–29, 31). Последнему стиху (полустушию) и соответствуют строки Крылова о «столпах надежды». Речь идет о надежде на защиту и милость Божию, что является одним из основных мотивов цикла, афористично сформулированного в первой строфе этой же оды: «Велик величества Творец, / В бедах мне щит, в суде – отец».

Подражание 87 псалму (последнее в цикле) заканчивается строфой, которая не раз цитировалась в книгах о Крылове²⁷, поскольку она как будто хорошо иллюстрирует факты его биографии и положение в середине 1790-х годов:

Почто же, Бог мой, презираешь,
Не внемлешь Ты и отреваешь
Вопль страждущей души моей?
Средь нужды, нищеты и горя,
Как средь бунтующего моря,
Я взрос от самых юных дней –
И днесь от бедства не избавлен,
Как лист иссохший, я оставлен
Среди ярящихся огней.

(С. 480)

Автобиографический подтекст этих строк кажется очевидным, но вместе с тем это как раз довольно точная парафраза трех стихов псалма: *«Вскую, Господи, отрееши душу мою? Отвращаеши лице Твое от мене? Нищ есмь аз, и в трудех от юности моя: вознесжеся, смирихся и изнемогах. На мне преидоша гневи Твои, устрашения Твоя возмутиша мя: обыдоша мя яко вода весь день, одержаша мя вкупе»* (87:15–18). При этом предыдущая строфа в той же оде (предпоследняя) является чистой амплификацией, развивает едва намеченную тему одного короткого стиха: *«И аз к Тебе, Господи, воззвах, и утро молитва моя предварит Тя»* (87:14):

А я, едва заря настанет,
Едва светило дня проглянет,
Огнем живым к Тебе дышу –
И вместе с хором оперенным
Под сводом неба озаренным
Твое величие глашу.
Куда ни двигнуся ногою,
Как сердце я свое, с собою
Хвалу чудес Твоих ношу.

(С. 480)

Как видно, в переложении 87 псалма Крылов тоже не стремился к точному соответствию с его текстом, это тоже вольное переложение. И при этом радостная строфа об утреннем славословии Творцу практически оригинальная, добавлена поэтом «от себя», а горестная заключительная строфа, как будто лучше согласующаяся с личными обстоятельствами автора, является близкой к тексту парафразой стихов псалмопевца.

Этот пример показателен: перед нами не прямое высказывание самовыражающегося поэта, а переложение псалма, и не образец интимной лирики, а духовная ода, в которой поэт говорит о вещах общезначимых (таких как вера, спасение, отношения Бога и человека), а на свою конкретную жизненную ситуацию может лишь намекать (и не вполне очевидным образом), оставляя ее на втором плане, в целом необязательном для читателей. В духовной оде на первом плане, как правило, идеи, облеченные в поэтическую форму (иногда их заслоняющую) и преподаваемые в качестве истинных и общепользных. Тем более если это переложение псалма (жанровый эталон духовной оды), где слова поэта отсылают к слову Божию, истинность которого должна быть очевидна для всех в любых обстоятельствах.

* * *

Комплексное рассмотрение идей и мотивов духовных од Крылова – дело будущего, сейчас ограничимся указаниями на некоторые из них, наиболее, на наш взгляд, значимые для всего этого цикла стихотворений.

Прежде всего это тема веры и неверия в Бога. Верующим сопутствуют милость Божия, защита от врагов, благоденствие, спасение; неверующим – суд Божий, страдания, бедствия, гибель. В начале первой оды (из псалма 17) подчеркнут мотив религиозного обращения человека, от забвения Бога (неверия) – к воззванию к Нему (к вере), которое немедленно получает отклик:

Переставало сердце биться,
Потек по жилам смерти хлад,
Уже ногой ступил я в ад, –
Но вспомнил к Богу обратиться.
Сквозь небеса проник мой вздох –
И мой меня услышал Бог.

<...>

Едва я возопил стена,
Он двинул громы за меня.

(С. 462)

Праведность (вера) обуславливает разрыв с обществом людей недостойных:

Беги мужей коварных, льстивых:
Беседа их для сердца яд;
С святым ты будешь купно свят;
Познаешь правду средь нелживых;
С правдивым будешь ты правдив
И с нечестивым нечестив.

(С. 480)

В шестой оде (из псалма 93) в трех строфах, не имеющих соответствия в псалме, поэт задает вопросы безумцу, отрицающему бытие Божие и почитающему себя мудрым: «Безумец! где твой ум и слух? <....> Скажи, оставя мудрость лживу...» (с. 475). Контекстом этих строф является не столько Псалтирь, сколько дискуссии, характерные для XVIII в. – «века разума» и религиозного скептицизма, в котором Крылов формировался как писатель, а в частности конфликт веры и разума, науки и религии. В отличие от Ломоносова, отрицавшего само его наличие (вернее, правомерность), Николев, современник Крылова, сочинял свои духовные оды изнутри этого конфликта, постоянно нападая на мнимых мудрецов: «Вотще, язычники, гордитесь, / И бесполезно вы трудитесь / Премудрости людей учить! / Бог придет, в лжи вас обличит»²⁸. Николев акцентировал наличие конфликта между религией и наукой, думая, что выступает на стороне религии, и в переложениях из Библии полемизировал с Ломоносовым²⁹. Крылов в своих духовных одах, подобно Николеву, актуализирует оппозицию веры и знания, но оказывается на стороне Ломоносова. В той же «Оде первой, выбранной из псалма 17-го» читаем:

Не силою ль Твоей взлетает
Мой быстрый дух на небеса
Где солнцев тысяча блистает,
Твои вещая чудеса?
Не силою ль Твоей великой
Причину мира мерит он
И постигает тот закон,
Чем обуздал хаос Ты дикой,
Пространства разделил мирам,
Дал стройный вид и бег телам?

(С. 465)

Вся эта строфа не имеет соответствия в псалме, зато ее первый стих прямо отсылает к Ломоносову, к его «Оде, выбранной из Иова» (1751), где Бог вопрошает человека: «Твоей ли хитростью взлетает / Орел, на высоту паря...». В духовных одах Ломоносова говорится о величии Бога и ограниченности знаний и возможностей человека: для него создана вся вселенная, но он не может ни до конца познать ее, ни управлять ей³⁰. В одах Крылова эта идея в каком-то смысле подразумевается, но большее значение в них имеют вопросы нравственные, чем чисто богословские (и гносеологические). Коснувшись проблемы веры и знания, он в конечном счете переходит к теме смирения и гордыни, которая в его одах является одной из ведущих тем. Не восставая против разума (в отличие от Николева), Крылов на первое место все-таки ставит чистое сердце. В его «Оде первой, выбранной из псалма 17-го», в ее последней строфе (полностью оригинальной), вопросы литературно-теоретические, богословские, философские и нравственные сведены воедино, на них дан общий ответ:

Но где есть слово человека
Тебя обильно превознестъ?
В ком долгота найдется века
Твои все чудеса исчестъ?
Пади, мой дух, в смиреньи многом
И свой не устремляй полет
В пучины, коим меры нет.
Чтоб Бога знать, быть должно Богом;
Но чтоб любить и чтить Его,
Довольно сердца одного.

[16, 465]

Читая именно это стихотворение, Крылов в 1832 г., когда уже были написаны почти все его басни, проливал слезы (по воспоминанию И.П. Быстрова, см. выше).

В его творчестве духовные оды занимают особое место: ими практически завершается литературная деятельность Крылова в XVIII в., и они оказались главными его произведениями, созданными в тот период, когда он имел повод критически пересмотреть свою прошлую жизнь и прежние литературные опыты и начал

поиск новых путей в литературе, помимо журналистики и драматургии, – тот поиск, в результате которого он в конечном счете делается баснописцем.

Духовные оды Крылова стоят как бы в преддверии его басенного творчества и оказались его высшим достижением как лирического поэта. Так, очевидно, считал и он сам в то время, когда составил из них единый цикл и поместил его в начале предполагаемого сборника стихотворений. По ряду параметров и, в особенности, по оригинальности композиции цикл крыловских переложений псалмов – выдающееся и совершенно уникальное явление в русской псалмодической лирике XVIII века, которое нам еще предстоит по достоинству оценить.

¹ Крылов И.А. Стихотворения / Вступ. статья, подгот. текстов и примеч. А.П. Могиланского. Л.: Сов. писатель, 1954. С. 462–480. (Б-ка поэта, бс. Изд. 2-е). Далее переложения псалмов Крылова цитируются по этому изданию (номера страниц указываются в тексте статьи). Композиция цикла сохранена также в подготовленном нами изд.: «Благослови, душа моя!». Псалмы русских поэтов / Сост., предисл., примеч. В.Л. Коровина. М.: Эксмо, 2019. С. 243–256. (Б-ка всемирной литературы). Некоторые положения данной статьи уже формулировались в нашей предшествующей публикации, посвященной крыловским переложениям псалмов (см.: Коровин В.Л. И.А. Крылов – автор духовных од // Русская словесность. 2019. № 4. С. 69–78).

² См.: Бабинцев С.М. Тетрадь стихов Крылова // Крылов И.А. Исследования и материалы. М.: Гослитиздат, 1947. С. 252–267. В настоящее время рукопись находится в Российской национальной библиотеке в С.-Петербурге.

³ Крылов И.А. Полн. собр. сочинений: [в 3 т.]. Т. 3: Басни. Стихотворения. Письма / Ред. Д.Д. Благого; Подгот. текста и примеч. Н.Л. Степанова (басни), Г.А. Гуковского (стихотворения), С.М. Бабинцева (письма). М.: Гос. изд-во худож. лит., 1946. С. 263–276, 541–545 (примеч.).

⁴ См., например: Крылов И.А. Собр. сочинений: в 3 т. / Сост., автор вступ. ст., прил., коммент. Д.П. Ивинский. М.: ДАРЪ, 2014. Т. 1. С. 28–42. (Русская классическая библиотека). Особенностью данного издания является, в частности, то, что духовные стихотворения Крылова в нем выделены в особый раздел, открывающий все собрание. В изданиях его сочинений советского времени после 1946 г. печатались лишь избранные переложения псалмов.

⁵ Крылов И.А. Полн. собр. сочинений / С биографией его, написанную П.А. Плетневым: [в 3 т.]. Т. 2: Поэзия. СПб.: Тип. Военно-учебных заведений, 1847. С. 3–5, 55–76.

- ⁶ Плетнев П.А. Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова // *Крылов И.А. Полн. собр. сочинений*: [в 3 т.]. СПб., 1847. Т. 1. С. XXXV. Сходную оценку переложениям псалмов Крылова в недавнее время дал и В.М. Живов (едва ли не единственный исследователь, уделивший им специальное внимание): «Псалтырные переложения Крылова, не издававшиеся автором при жизни, относятся, видимо, к начальному периоду его творчества, к тем *Lehrjahre*, когда знаменитый баснописец овладевал техникой русского стиха» (*Живов В.М. К предыстории одного переложения псалма в русской литературе XVIII века <1993>* // *Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры*. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 547 [в данной работе речь идет о переложении 14 псалма]).
- ⁷ Быстров И. Отрывки из записок моих об Иване Андреевиче Крылове // *Северная пчела*. 1845. № 203, 11 сентября. С. 812. Ср.: И.А. Крылов в воспоминаниях современников / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А.М. Гордина, М.А. Гордина. М.: Худож. лит., 1982. С. 237. (Серия литературных мемуаров).
- ⁸ Крылов И.А. Подражание Псалму XVII // *Северная пчела*. 1845. № 208, 17 сентября. С. 831–832. Здесь приведены также варианты чтения ряда стихов по рукописи поэта.
- ⁹ Комета Белы, альманах на 1833 год. СПб.: Тип. вдовы Плюшар с сыном, 1833. С. 371–376.
- ¹⁰ Аониды, или Собрание разных новых стихотворений. Книжка 1. М.: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1796. С. 36–40.
- ¹¹ Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов, изданное Василием Жуковским: [в 6 ч.]. Ч. 1: Оды. М.: Унив. тип., 1810. С. 99–102; Пантеон русской поэзии, издаваемый Павлом Никольским. М.: Имп. Акад. наук, 1814. Ч. 2. Кн. 4. С. 139–143; Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах / Изданное Обществом Любителей Отечественной Словесности: [в 6 ч.]. Изд. 2-е, испр., умнож. Ч. 1. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1821. С. 58–61.
- ¹² Крылов И.А. Полн. собр. сочинений / С биографию его, написанною П.А. Плетневым: [в 3 т.]. Т. 2: Поэзия. С. 3–5. В сноске значится, что текст «Подражания псалму 37» взят из «Пантеона русской поэзии» (1814) (выходные данные см. выше), однако на самом деле в нем есть исправления, скорее всего, принадлежащие Плетневу, т.е. он отнесся к нему не с большим пиететом, чем к другим опубликованным им «мелким стихотворениям» Крылова (где также обнаруживаются следы редакторской правки). Изменены несколько стихов: в «Пантеоне» – «Хладнее льдов, *тяжчае* гор», «В сем зле, *как в треволненном море*», «Воззвал – и сердцем *встрепетался*»; в изд. Плетнева – «Хладнее льдов, *тяжеле* гор», «В сем зле, *как бы в тревожном море*», «Воззвал – и сердцем *колебался*». Эти варианты Плетнева не находят соответствия ни в «Аонидах», ни в рукописном сборнике с правкой Крылова.
- ¹³ См.: *Гордин М.А. Крылов Иван Андреевич* // *Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь*. Т. 3 (К–М). М., 1994. С. 179.

- ¹⁴ Крылов И.А. Полн. собр. сочинений: [в 3 т.]. Т. 3: Басни. Стихотворения. Письма. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1946. С. 343.
- ¹⁵ «Я встал, дал успокоиться моей памяти и протолкал, так сказать, из головы все мои несчастья, и теперь опять весело продолжаю мое письмо: иначе я бы замучил Вас Ереминым своим плачем» (Там же. С. 343).
- ¹⁶ Гуковский Г.А. Примечания <к стихотворениям> // Крылов И.А. Полн. собр. сочинений: [в 3 т.]. Т. 3: Басни. Стихотворения. Письма. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1946. С. 544.
- ¹⁷ Гордин М.А., Гордин Я.А. Театр Ивана Крылова. Л.: Искусство, 1983. С. 93.
- ¹⁸ Погодин М.П. Из «Дневника» // И.А. Крылов в воспоминаниях современников. С. 246.
- ¹⁹ Николев Н.П. Творении: [в 5 ч.]. Ч. 1: Духовные стихотворения. М.: Унив. тип., 1795. С. 1–67. О библейских переложениях Николева и его состязании на этом поприще с Ломоносовым см.: Коровин В.Л. Книга Иова в русской поэзии XVIII – первой половины XIX века. М.: Водолей, 2017. С. 147–172.
- ²⁰ Гордин М.А., Гордин Я.А. Указ соч. С. 80. Об отношении Крылова к Николеву см. также: Альтишуллер М.Г. Николай Петрович Николев («Русский Мильтон») // Альтишуллер М.Г. В тени Державина: Литературные портреты. СПб.: Изд-во «Пушкинский дом», 2014. С. 352–359.
- ²¹ В письме «Автор к издателю», помещенном в третьей части «Творений», Николев жаловался на хулителей первой части, а среди прочего засвидетельствовал о любопытном упреке в свой адрес: «Одни кричали: как осмелился я передразнить Ломоносова и Сумарокова, преложа те же Псалмы, кои и они прелагали? будто я в угодность их обязан лишиться простительного самолюбия; обязан думать, что между Ломоносовым, Сумароковым и мною более расстояния, нежели между ими и Давидом, устами коего возглашал к самому Себе Бог» (Николев Н.П. Автор к Издателю // Николев Н.П. Творении: [в 5 ч.]. Ч. 3. М.: Унив. тип., 1796. С. III).
- ²² Живов В.М. Указ. соч. С. 550–552.
- ²³ В цитируемом изд. 1954 г. вместо «в облистаньях» ошибочно напечатано «во блистаньях»; это слово из текста псалма: «От облистания пред Ним облацы проидоша, град и углие огненное» (Пс 17:13). Ранее везде, начиная с «Аонид» (1796), это печаталось правильно, в том числе в упоминавшемся полном собрании сочинений 1946 г. (Т. 3. С. 266).
- ²⁴ См. об этом: Клейн И. Державин и религия: Ода «Успокоенное неверие» (1779) // Вивлиофика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. Vol. 2 (2014). P. 47–59. Режим доступа: <https://vivliofika.library.duke.edu/article/view/15029/6491>
- ²⁵ Сумароков А.В. Полн. собр. всех сочинений в стихах и прозе: [в 10 ч.]. 2-е изд. Ч. 1. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1787. С. 49.
- ²⁶ Крылов И.А. Полн. собр. сочинений: [в 3 т.]. Т. 3: Басни. Стихотворения. Письма. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1946. С. 343.

- ²⁷ См., например: *Десницкий А.В.* Иван Андреевич Крылов: Книга для учащихся. М.: Просвещение, 1983. С. 74; *Степанов Н.Л.* Крылов. М.: Молодая гвардия, 1963. С. 79.
- ²⁸ *Николев Н.П.* Творении: [в 5 ч.]. Ч. 1: Духовные стихотворения. С. 2 («Ода 2, из псалма 2»).
- ²⁹ О переложениях псалмов Николева см.: *Коровин В.Л.* Указ. соч. С. 147–172.
- ³⁰ Подробней о духовных одах Ломоносова и, в частности, о его переложениях псалмов см.: *Коровин В.Л.* Книга Иова в русской поэзии XVIII – первой половины XIX века. С. 29–60.